

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ТАТАРИИ *

Х. Гимади

М. Сафаргалиев в статье «Один из спорных вопросов истории Татарии»¹ поднял ряд вопросов, являющихся, по его мнению, спорными:

Одним из таких спорных вопросов М. Сафаргалиев считает вопрос о происхождении татар. Он указывает, что историки Татарии считают казанских татар прямыми потомками волжско-камских булгар, а участники сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, состоявшейся в 1946 г. в Москве, «видели в болгарском языке основу современного татарского языка» и отсюда якобы «строили теорию болгарского происхождения татар»².

Прежде чем делать такое умозаключение, М. Сафаргалиеву следовало бы познакомиться с историей созыва данной научной сессии. Вопрос на сессии обсуждался по просьбе Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, которому после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» была поручена научная разработка «Истории Татарии». В постановлении ЦК ВКП(б), как известно, были вскрыты серьёзные ошибки в освещении истории Татарии, выразившиеся в идеализации Золотой Орды и восхвалении ханско-феодалного эпоса об Идееве. Следует отметить, что одним из корней этих ошибок являлся антинаучный подход к вопросу этногенеза казанско-татарской народности. По данному вопросу вплоть до последних лет отсутствовал более или менее определённый взгляд, что не могло не мешать изучению истории татарского народа.

* От редакции. В № 7 журнала «Вопросы истории» за 1951 г. была опубликована в дискуссионном порядке статья М. Сафаргалиева «Один из спорных вопросов истории Татарии», где вопрос этногенеза казанских татар получил иное освещение, чем на объединённой сессии Отделения истории и философии АН СССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, состоявшейся в Москве в 1946 году. Участники объединённой сессии пришли к выводу, что основными предками казанских татар являются тюркоязычные племена Булгарского царства («Происхождение казанских татар». Казань. 1948). По мнению М. Сафаргалиева, главными предками казанских татар следует считать тюркоязычные народности и племена, входившие в состав Золотой Орды.

В редакцию поступили три статьи-отклика на выступление М. Сафаргалиева: от проф. Н. И. Воробьёва, проф. Н. Ф. Калинина и Х. Г. Гимади, — критикующие взгляды М. Сафаргалиева в свете итогов упомянутой выше объединённой сессии. Ввиду того, что все три автора стоят на одинаковых позициях, редакция публикует лишь статью Х. Г. Гимади.

Вместе с тем редакция считает, что вопрос об этногенезе тюркоязычных народов Среднего Поволжья ещё далеко не решён. В прошлом, при освещении этого вопроса Н. Я. Марром и его последователями, были допущены серьёзные ошибки, которые до настоящего времени не подверглись всесторонней критике. Недопустимо также рассматривать происхождение казанских татар изолированно от этногенеза других тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья, в первую очередь чувашского народа, что неизбежно приводит не только к односторонним выводам, но и к ошибкам буржуазно-националистического характера.

¹ См. журнал «Вопросы истории» № 7 за 1951 год.

² Там же, стр. 74.

В исторической литературе долгое время существовало мнение, что казанские татары — это потомки монголо-татарских завоевателей, пришедшие с ордой Батыя и затем пополнившиеся татарами Золотой Орды. Такого мнения придерживалось большинство дворянско-буржуазных историков (И. Н. Смирнов, Г. И. Перетяткович, Н. И. Веселовский и др.). Эту «теорию» впоследствии подхватили также и буржуазно-националистические историки. Они пытались доказать, что созданная монголо-татарами Золотая Орда являлась якобы единым татарским государством, а население его — сыновьями единой двадцатимиллионной семьи тюрков. Отсюда вытекал вывод: возврат «к славным временам Чингиза». Это была идеология растущей татарской буржуазии, которая под лозунгами пантатаризма и пантюркизма с конца XIX в. пыталась упрочить своё влияние среди тюркских народов России. Естественно, что среди трудящихся масс подобные взгляды никакого распространения не имели.

В трудах некоторых советских историков также были допущены серьёзные ошибки этого рода, которые в постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. совершенно правильно охарактеризованы как буржуазно-националистические.

В исправлении этих ошибок большую роль сыграли материалы научной дискуссии по вопросу о происхождении казанских татар, организованной в 1946 г. Отделением истории и философии Академии наук СССР. Важно отметить, что, несмотря на то, что выступавшие на сессии докладчики готовились независимо друг от друга, их выводы по вопросу о происхождении казанских татар в основном совпали. Эти выводы были поддержаны также большинством выступавших в прениях учёных Москвы, Ленинграда и Казани. Основной вывод, к которому пришла научная сессия, можно сформулировать следующим образом: казанские татары как народность сформировались на месте современного их обитания из аборигенного населения и тюркоязычных болгарских и отчасти кыпчакских племён, которые получили наименование волжских, или камских, болгар. При этом все докладчики на конкретных материалах показали, что влияние монголо-татар на формирование народности казанских татар и их языка было незначительным. Об этом говорили археологи А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, этнограф Н. И. Воробьёв, антрополог Т. А. Трофимова, лингвист Л. З. Залая и другие. Выступившие в прениях А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, Ш. И. Типеев, Р. М. Раимов и другие в основном согласились с вескими доводами докладчиков. Проф. А. Ю. Якубовский заявил в своём выступлении: «Пока же мы действительно с уверенностью можем сказать, что этническую основу казанских татар, или татар Татарской автономной социалистической советской республики, составляют древние болгары, включившие в себя новые элементы, пока ещё плохо исследованные и только впоследствии получившие имя татар»³. К аналогичному выводу пришёл проф. Якубовский в написанной вместе с акад. Б. Д. Грековым монографии «Золотая Орда и её падение»⁴. За последние годы появился ряд монографий, точка зрения авторов которых по вопросу этногенеза казанских татар совпадает, несмотря на высказанные ими некоторые ошибочные положения⁵. Следовательно, было бы неправильно упрекать авторов этих монографий и участников научной сессии Академии наук в тенденциозном подходе к столь важному вопросу исторической науки. Нельзя не согласиться с С. П. Толстовым, который отметил, что «этот факт, что исследователи, работавшие в разных учреждениях и в значительной степени независимо друг от друга, пришли к чрезвычайно сходным выводам, мне кажется, не может не сделать это заключение особенно убедительным»⁶.

Таким образом, было положено начало научному изучению вопроса этногенеза казанских татар, татар не вообще, как этого хочет М. Сафаргалнев, а именно татар, сформировавшихся на территории Волго-Камья (бывшего Булгарского государства). Ряд вопросов ещё остался нерешённым. В своём заключительном слове Б. Д. Греков отметил, что «каждый новый этап в науке вызывает целый ряд вопросов и требует новых решений»⁷.

³ Сборник «Происхождение казанских татар», стр. 113. Казань. 1948.

⁴ См. Б. Греков, А. Якубовский. Золотая Орда и её падение, стр. 10, 416, 417. М.-Л. 1950.

⁵ См. А. Смирнов. Волжские болгары. М. 1951; Т. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М. 1949.

⁶ Сборник «Происхождение казанских татар», стр. 137.

⁷ Там же, стр. 158.

Правильно ли сделали историки Татарии, избрав объектом изучения прежде всего татар казанских, а не «вообще татар»? Нам кажется, правильно. Правильно прежде всего потому, что так называемые татары сибирские, юртовские, крымские и т. п. никогда не являлись единым с казанскими татарами народом, хотя они и говорили на языке, относящемся к тюркской семье языков, так же, как и другие тюркские народы: узбеки, казахи, уйгуры, туркмены, кара-калпаки и т. д. Почему же М. Сафаргадиев не причисляет их к татарам? Ведь многие из них также назывались татарами. В прежние времена татарами называли и азербайджанцев, многие народы Северного Кавказа и даже далёкой Сибири. Бурят, живущих на территории Прибайкалья, именовали братскими татарами. Прав проф. С. П. Толстов, когда подчёркивает, что, по существу, эти народы ничего общего между собой не имеют, «за исключением того, что они говорят на языках тюркской системы, причём всевозможных её ветвей»⁸.

Современная казанская татарская нация, как и всякая другая, сложилась в определённых исторических условиях. Её историю никак нельзя начинать только со времени Золотой Орды или Казанского ханства, как рекомендует М. Сафаргадиев, — она началась значительно раньше. Было бы большой ошибкой, если бы мы не учли основных компонентов, положивших начало её формированию, то есть древнейшее население Прикамья и тюркоязычные болгарские и иные родственные им племена. Процесс происхождения казанских татар, на наш взгляд, напоминает в известной степени этногенез узбекского народа. Ещё совсем недавно начало возникновения узбекского народа некоторые историки относили ко времени вторжения в XV в. в Среднюю Азию кочевых племён, называвшихся узбеками. Таким образом, со счетов сбрасывалась многовековая история основного компонента узбекского народа — древнейшего оседлого населения современного Узбекистана. Теперь несостоятельность подобного взгляда очевидна каждому. В этом отношении следует полностью согласиться с проф. А. Ю. Якубовским, указывающим на то, что всегда нужно «отделять историю народа от истории его имени. Это вещи разные. Иногда мы из имени делаем фетиш, следуем за ним и сокращаем время существования народа, а то и извращаем историю того или иного народа в области его этногенеза»⁹. Так «сокращали» некоторые историки и существование народа, именуемого казанскими татарами. По существу, из истории вычёркивался весь дозолотоордынский период формирования народа. А ведь всем известно, что территория современной Татарии была заселена человеком с незапамятных времён. В первом тысячелетии нашей эры здесь образовалось Булгарское государство. Этому государству, возникшему на территории расположения древних культур Прикамья и Поволжья (Ананинская, Пьяноборская и др.), где уже на грани перехода к нашей эре происходил процесс сложения классового общества, суждено было на протяжении нескольких столетий играть крупную роль в жизни народов Среднего Поволжья. Камская Булгария в этническом отношении не являлась целостным и единым государством. Даже сами булгары ещё представляли собой конгломерат родственных племён, говоривших на языке тюркской системы. Источники X—XIII вв. говорят о наличии в этом государстве собственно булгар, берсул, эсегал, сувар, темтюзи и других, которые были объединены под властью единого булгарского царя.

Кроме булгарских племён, в орбите влияния Булгарского государства находились предки современных мари, чуваш, удмуртов и др., роль которых в формировании булгарского народа никто не собирается отрицать. Таким образом, сформировавшиеся из аборигенов края и пришедшие из Приазовья булгарских и других степных, главным образом тюркских, племён булгары представляли сложное этническое явление. Однако следует отметить, что к моменту монголо-татарского нашествия основная масса булгарского конгломерата уже была оторчена. По крайней мере, это относится к тем племенам, которые проживали на территории современной Татарии и которые явились одним из основных компонентов народности казанских татар. Это очень хорошо доказывается материалами археологии, этнографии и в некоторой степени данными антропологии. Товарищ Сталин учит, что каждая нация «складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории»¹⁰.

⁸ Там же, стр. 137.

⁹ Там же, стр. 130.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 294.

Нам кажется, что это относится и к определению понятия народности, которая, как категория историческая, складывается в результате длительной совместной жизни людей из поколения в поколение. Всякая народность является творцом и носителем того или иного языка¹¹. Это и понятно, ибо «национальная общность немислима без общего языка»¹². В данном случае, как указывает И. В. Сталин, речь идёт, конечно, «о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских»¹³. Между тем при изучении этногенеза казанских татар и других тюркских народностей исследователи допускали серьёзную ошибку. Они брали объектом изучения не народно-разговорный, а официально-канцелярский язык, зафиксированный в ханских ярлыках, в сочинениях придворных писателей и т. п. А ведь в основу этого языка («тюрки») был положен засорённый арабизмами и фарсизмами один из ведущих диалектов кипчакского языка. Это был своеобразный литературный язык, обслуживавший верхи не только золотоордынского общества, но и впоследствии Казанского ханства и других феодальных образований, основная масса населения которых состояла из тюркоязычных племён. Но этот язык был непонятным для широких слоёв народов, входивших в Золотую Орду, которые имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. В Булгарском государстве среди основной массы тюркских племён, несомненно, одержал победу один из ведущих диалектов болгарского языка. И этот язык был общим для тюркских племён той части Булгарии, где сформировались казанские татары. Наряду с этим были и диалекты, местные говоры, но, очевидно, над ними преваляровал и их подчинял себе единый и общий язык. О наличии нескольких диалектов в болгарском языке говорит Махмуд Кашгарский в своём «словаре тюркских языков» (XI век). Даже в настоящее время, не считая многочисленных говоров, в татарском языке насчитывается три больших диалекта: западный, заказанский и мензелинский¹⁴. Исследователи татарского языка указывают, что язык татар Поволжья достиг уровня национального языка «на основе концентрации ряда мелких племенных языков. Доказательством является та диалектальная пестрота, которая продолжает бытовать и поныне в языке татар Волжского бассейна»¹⁵.

Было принято утверждать, что от болгарского языка не сохранилось никакого следа. «Собственно от болгар до нас не дошло ни одного письменного памятника»¹⁶, — писал Н. Н. Фирсов. Некоторые историки, как И. Н. Смирнов, утверждали, что остатки болгарского языка сохранились лишь у угрофиннов Поволжья, так как сами болгары погибли¹⁷. К сожалению, такое мнение продолжает бытовать и по сию пору. «От прежних болгар домонгольской поры не сохранилось ни одного литературного памятника»¹⁸, — пишет М. Сафаргалиев. Что касается материалов болгарской эпиграфики XIII—XIV вв., то в них, оказывается, по мнению М. Сафаргалиева, болгарские слова сохранились лишь в виде случайных слов среди массы арабских фраз.

Верно, что до нас дошло очень мало памятников языка времени Булгарского государства. Однако отрицать полностью наличие этих памятников — значит вводить в заблуждение читателя. М. Сафаргалиеву это нужно, очевидно, для того, чтобы совершенно свести на нет роль болгарского языка в формировании языка казанских татар. По его мнению, формирование последнего произошло только с нашествием монголов, когда с Востока хлынули угнанные ими тюркоязычные племена. Мы не собираемся совершенно отрицать участие этих племён, а также кипчакских, в формировании татарского языка. Мы хотим лишь подчеркнуть, что нельзя игнорировать роль одного из основных компонентов татарского языка, то есть болгарского.

Неверно, что в распоряжении исследователя нет ни одного памятника языка или литературы. Прежде всего внимание исследователя должно привлечь основное население, живущее ныне на территории Татарской АССР, а именно казанские татары,

¹¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. стр. 22. Госполитиздат. 1951.

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 293.

¹³ Там же.

¹⁴ См. Л. Залая. Татарская диалектология. Казань. 1948 (на татарском языке).

¹⁵ Сборник «Происхождение казанских татар», стр. 82.

¹⁶ Н. Фирсов. Лекция по истории Поволжья, стр. 21. Казань. 1907.

¹⁷ См. И. Смирнов. Волжские болгары. «Русская история в очерках и статьях».

Под ред. Довнар-Запольского. Т. I, стр. 18. М. 1910.

¹⁸ «Вопросы истории» № 7 за 1951 г., стр. 76.

которые, по выважению великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, есть «потомки прежних племён, живших в тех местах до Батыя и покорённых Батыем, как были покорены русские»¹⁹. Памятуя, что язык является продуктом целого ряда эпох и что его словарный фонд и грамматический строй не могут подвергаться быстрому изменению, мы обязаны сопоставить данные современного татарского языка с языковедческими материалами, дошедшими до нас со времён болгарского и казанского царств. Элементы живого болгарского языка запечатлены в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.), в болгаро-татарских эпиграфических памятниках XIII—XVI вв., а также в ряде литературных памятников XIII—XIV вв.: «Юсуф и Зулейха», «Нахжель-Фарадис» и др. Особенно большой интерес представляют для нас болгаро-татарские эпиграфические памятники. М. Сафаргалиев почему-то недооценивает их значения. Он считает, что в них среди массы арабских и персидских слов сохранились лишь отдельные случайные фразы из тюркского языка, причём они, оказывается, являются половецкими. Поэтому, пишет М. Сафаргалиев, «нельзя делать вывод о языковом родстве болгар VII—XII вв. с современными татарами»²⁰. Внимательный читатель неизбежно должен задать вопрос: куда же в XIII—XV вв. делись болгары, которые имели свой язык и создали довольно обширное государство, оказавшее упорное сопротивление монголам-завоевателям? Что стало с их языком? Неужели кочевники, вторгнувшиеся в пределы Болгарии, так быстро похоронили и народ и его язык? На эти вопросы ответа в статье М. Сафаргалиева, конечно, нет. Кстати, мы не найдём ни у одного народа, кроме татар казанских, надмогильных камней болгарского типа. Их нет и в районах, где проживало половецкое население. Эти древние камни тщательно охранялись только в татарских селениях; старики хранили о них память как о «болгарских предках», хотя, может быть, иногда и мифических. Считать это случайным явлением нельзя.

Прав М. Сафаргалиев в одном, что в надписях очень много арабских и персидских слов. Но и в этом нет ничего удивительного. Ведь надмогильные камни обычно ставились верхушкой болгарского общества, которая больше подвергалась исламизации. Через ислам болгаро-татарский язык засорился многими арабо-персидскими словами, непонятными широким слоям населения. На этом своеобразном жаргоне и сделано большинство надписей на камнях, которые ставились над могилами феодальной верхушки. Что касается текста надгробий, поставленных над могилами трудящихся масс, то в них преобладают слова на чистом народном языке без особой примеси арабизмов и фарсизмов. В качестве примера можно указать на памятник, поставленный в 1317 г. над могилой золотых дел мастера Шагидуллы, о чём речь будет идти дальше. Здесь же следует ещё раз подчеркнуть, что абсолютное большинство слов, встречающихся в аналогичных надгробьях, бытует в современном татарском языке.

И. В. Сталин учит, что «структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»²¹. Этим и объясняется большая устойчивость языка, его словарного фонда и грамматического строя. Если сравнить грамматический строй и основной словарный фонд болгарского языка, известного нам по памятникам XI и XIII—XIV вв. (надписи на надгробных камнях и сочинение Махмуда Булгари «Нахжель-Фарадис» и др.), с данными о языке казанских татар XV—XVI вв., то мы убеждаемся, что перед нами один и тот же язык. Проиллюстрируем это на конкретных примерах:

1. Образец болгарского языка XI века:

Итнль суы ака турур
Кыя теби кака турур
Балык тэлим бака торыр
Кулунен таки кушарыр...²²

Воды Итиля текут, удараясь
О твердыню скалы (берегов).
Лягушек, рыб стада живут,
Ими полон озерный разлив...

¹⁹ Н. Чернышевский. Антропологический принцип в философии, стр. 96. Госполитиздат. 1948.

²⁰ «Вопросы истории» № 7 за 1951 г., стр. 76.

²¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

²² М. Кашгари. Китабе диване логат эт-тюрк. Т. I. стр. 70. Константинополь. 1914.

2. Образец болгарского языка XIV века:

Екитлэр курки кюнелляр	Краса молодцов, главный нерв
Галимлярне агырлаган	Почитатель ученых, кормилец
Уксезлярне асраган	Сына Мусы, золотых дел
Алтынчы Шагидулла	Мастера Шагидуллы
узяги	сердец
ятим, тул	вдов и сирот
Муса углы	
зиярате торыр ²³ .	могила тут
(Надгробие 1317 года)	

3. Образец языка болгаро-татар XVI века:

- а) Улем куаныч ет (т) е
безем куанычымыз
Мэгэр шонкар булып
Очты табылмас исткэн
Жиллэр берлэ өмүтляр.
- Для смерти радость настала
Наша радость ушла,
Как будто соколом улетела
Их не найти ищущему.
- (Надпись 1522 г. на надгробии).
- б) Буре берлэ куй бергэ
су эчэр.
- Вместе с волком овца
(будет) воду пить.
- (Из «Нуры сыдур» Мухамедьяра).
- в) Коюг казып узе тошэр
- Есть поговорка: вырыл колодец —
сам в него упадет.
- (Там же).

Эти примеры совершенно ясно иллюстрируют устойчивость грамматического строя и основного словарного фонда в течение пяти — шести веков. Но за этот долгий период болгарский язык развивался «путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»²⁴. Болгарский язык в XV—XVI вв., оставшись в основе прежним, стал качественно иным. Процесс изменения языка можно видеть хотя бы на следующем примере. Для XI—XIV вв. в болгарском языке имелись два ясно выраженных диалекта (по М. Кашгарскому — болгарский и суварский, по надписям на надгробиях — диалект «йюкающий» и «джюкающий»), тогда как в XV—XVI вв. у предков казанских татар второй диалект явно уступает первому, подчиняясь ему. Здесь можно говорить, по выражению К. Маркса, о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»²⁵. Эта концентрация в хозяйственном и политическом отношениях во времена Казанского ханства, очевидно, была большей, чем в предшествующее время, что и сказалось на сложении казанско-татарского общенародного языка. При этом язык, оставаясь близким к болгарскому по грамматическому строю, в свой словарный фонд включил немало слов из языка тех местных народностей, с которыми болгары в течение веков сближались.

Мы подробно остановились на материалах языка именно потому, что язык является одним из основных признаков, определяющих род, племя, народ и нацию. Но одновременно с материалами языка историк не может пройти мимо данных таких наук, как археология, этнография, антропология и т. п. М. Сафаргалнев, к сожалению, эти данные почему-то совершенно обходит. Между тем советские учёные, занимающиеся историей формирования казанских татар и их культуры, накопили за последние годы огромный материал, который позволяет сделать определённые выводы, не противоречащие данным языкознания. Мы имеем в виду многолетние исследования археологов А. П. Смирнова²⁶, Н. Ф. Калинин²⁷, этнографа Н. И. Воробьёва²⁸, антрополога

²³ Сборник «Происхождение казанских татар», стр. 103.

²⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 414.

²⁶ См. А. Смирнов. Волжские болгары. М. 1951.

²⁷ См. Н. Калинин. Болгарское искусство в металле. Казань. 1946; Б. Греков и Н. Калинин. Болгарское государство в домонгольское завоевание («Материалы по истории Татарии». Казань. 1948).

²⁸ См. Н. Воробьёв. Казанские татары, этнографическое исследование. (Рукопись. Печатается.)

Т. А. Трофимовой²⁹ и других. Их выводы в основном совпадают с лингвистическими изысканиями Л. З. Заляя и других учёных. Материалы и выводы указанных авторов свидетельствуют о том, что болгарский компонент при формировании казанских татар был одним из решающих. Конечно, мы не сторонники приписывать казанским татарам всё так называемое болгарское наследство. Мы неоднократно утверждали, что Болгария была многоплеменным государством. Следовательно, на её территории, в первую очередь на её окраинах, на базе местных племён и при некотором участии болгарских племён шёл процесс формирования и других народов Поволжья, в первую очередь чувашей, которым также принадлежит это наследство. О том, что болгарское население не было истреблено, а оставалось на территории современного обитания татар, говорят также исторические документы и материалы фольклора. По утверждениям русских летописей, болгары после монгольского завоевания сохраняли своё прежнее имя. В летописях говорится о болгарях, которые «ныне глаголются казанцы». В Никоновской летописи под 1372 г. сказано: ушкуйники «взяша болгары глаголемые казанцы». Даже автор «Казанского летописца» (XVI в.) говорит о «худых болгарях», живущих на территории ханства: «И живяху же за Камою рекою болгарские князи». «Болгары молиша его (Улу-Мухамета) быти заступнику», «Болгарские гради обладаются царем казанским» и т. д. Автор летописи часто употребляет названия «казанцы» и «татаровья», «татары». Термин «казанцы» употребляется автором в тех случаях, когда речь идёт о добрососедских отношениях между Казанью и Москвою. Когда же между ними начались враждебные действия, летописец уже предпочитал вместо терминов «булгар», «казанцы» употребление терминов «татар» или «татаровья». Особенно это имело место при описании событий, связанных с царствованием враждебных Руси ханов-чингизидов, политика которых ничем, по существу, не отличалась от политики ханов Золотой Орды. «И тот царь Улуахмет — великие воздвиге брани и мятеж в Русской земле, паче всех прежних царей казанских»³⁰. В разбойничьих набегах казанских ханов на русские земли авторы летописей стали усматривать старую татарскую (ордынскую) политику, а центр ханства Казань, — как «младшую дочь Орды»³¹. Отношение к булгаро-татарам вновь изменялось, как только в Казани на престоле оказывались сторонники русской ориентации. Летописец тогда заменял слово «татары» словом «казанцы».

Самое население продолжало именовать себя «булгарами», «булгарльком». О событиях, связанных с Болгарией, складывались предания, песни и баллады. Особенно много говорится в этих преданиях о нашествии на Булгарию завоевателя Аксак Тимура (Тамерлана). О булгарских учёных, о нашествии на булгар Тамерлана и переселении части булгаро-татарского народа в другие места рассказывает татарский историк XVI в. Хисам-эд-Дин Булгари — автор «Булгарских повествований». Все эти и другие дошедшие до нас источники и предания свидетельствуют о том, что народ и его язык (в своей основе булгарский) продолжали развиваться и формироваться, с той только разницей, что теперь это происходило в условиях нового политического образования, возникшего после распада Золотой Орды.

Наконец, не случаен также и тот факт, что удмурты, соседи казанских татар, именуют последних «бигерами», то есть булгарами. Едва ли народность, которая жила с булгаро-татарами бок о бок, не заметила бы «уничтожения» булгарского народа.

Остановимся ещё на некоторых вопросах, поднятых в статье М. Сафаргалиева.

М. Сафаргалиев сомневается в том, что после завоевания монголами Булгарии она сохранила долю своей самостоятельности. По утверждению М. Сафаргалиева, А. П. Смирнов и Х. Г. Гимади не подкрепляют это своё утверждение историческими документами. Это неверно. Верно то, что источников сохранилось мало. Но имеющиеся данные говорят не в пользу М. Сафаргалиева. Прежде всего следует помнить, что накануне монгольского завоевания Булгария представляла страну с оседлым населением с развитой торгово-ремесленной жизнью. Она в известной степени напоминала такие оседлые области, как Хорезм, Крым и др. При опустошении таких стран монголы «действовали», — по выражению Маркса, — соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»³². Навязать

²⁹ См. Т. Трофимова. Указ. соч.

³⁰ ПСРЛ. Т. XIX, стр. 221.

³¹ Там же, стр. 220.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I, стр. 188.

свой способ производства завоеватели-кочевники не могли и должны были довольствоваться данью. Нарушив ход экономического развития и истребив массу производительных сил, победитель, по выражению Энгельса, вынужден был в таких случаях «приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находил в завоеванной стране»³³. В своё время акад. Ю. В. Готье высказал мнение, что «после татарского нашествия болгарская земля имела, видимо, ту же судьбу, как и русская. Татары прошли по ней огнём и мечом, но в первое время не тронули местных порядков и установлений, ограничившись наложением дани и требованием приезда местных ханов и князьков для утверждения в орду»³⁴.

Исторические и археологические материалы подтверждают правильность такого мнения³⁵. Русские летописцы недвусмысленно говорят о существовании, например, болгарского и жужукотинского княжеств. Затем упоминаются князья казанские³⁶. О них же мы узнаём и из «Жития князя Фёдора Ростиславича Смоленского», в котором сказано, что после Батая «начаши ходити русские князи и Болгары в Орду, к царю, отчи свой просити у царя на столовании свои»³⁷. По мнению М. Сафаргалиева, речь здесь идёт не о волжских, а о дунайских булгарах, что весьма сомнительно. Летописцев, несомненно, интересовали прежде всего не отдалённые от Руси дунайские болгары и фактически независимые от Орды, а ближайшие их соседи — болгары камские. Об этих зависимых болгарских князьях говорят также и сообщения восточных авторов. Так, например, Рашид-ад-Дин говорит о двух болгарских князьях — Баяне и Джигу, которые, «будучи пожалованы, возвратились назад, по опять восстали». Археологами найдена болгарская печать с именем хана Ильгама. О болгарском хане Абдулле и его сыновьях Алтун-беке и Алим-беке, живших в XIV в., рассказывают многочисленные болгаро-татарские предания (о нашествии Тамерлана, о несгораемой царевне и многие другие). Все эти местные князья были оставлены не случайно. С их помощью ордынская администрация (баскаки или даруги) выколачивала дань с порабощённого населения. Не признать этого положения — значит стать на путь отрицания существования в период Золотой Орды болгар и их борьбы против монгольского ига. Между прочим, такая мысль сквозит в статье М. Сафаргалиева. Он даже отрицает поход Меньгу-Тимура на болгар около 1270 года. Однако оспаривать утверждение Абуль-Гази о том, что Меньгу-Тимур «предпринял поход в царство Булгарское»³⁸, нет никаких оснований, так как об этом имеется упоминание и в других источниках. Шихаб-эд-Дин Марджани, писавший по не дошедшим до нас восточным источникам, положительно утверждает, что поход Меньгу-Тимура был совершён именно против болгар в карательных целях³⁹. В летописях имеются упоминания о привлечении Меньгу-Тимуром для подавления восстаний в подвластных Золотой Орде землях некоторых русских князей, в частности князя Фёдора Ростиславича Смоленского. За услуги хан щедро награждал князей. В «Степенной книге» указывается, что за Фёдора Меньгу-Тимур выдал замуж свою дочь и пожаловал ему несколько городов, в том числе Булгар, Балыматы, Арск и др.⁴⁰. Речь здесь, несомненно, идёт о булгарах камских, а не дунайских, как это в своё время утверждал Н. М. Карамзин⁴¹. Поход Меньгу-Тимура хронологически совпадает также с усмирением им восстания волжских кипчаков под водительством Бачмана. Можно предположить одновременное выступление болгар и кипчаков против Орды, хотя прямых указаний на этот счёт мы не имеем.

В своей статье М. Сафаргалиев бросил серьёзный упрёк авторам подготовленного к печати макета «Истории Татарской АССР» в том, что они замалчивают факты «беспрерывных нападений казанских татар на русскую землю, не уступавших по своей опу-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 185.

³⁴ Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 169. М.-Л. 1930.

³⁵ См. А. Смирнов. Волжские болгары. М. 1951.

³⁶ Подробнее см. там же, стр. 53—73, а также «Материалы по истории Татарии», стр. 197—198.

³⁷ Там же, стр. 197.

³⁸ Абуль-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 193. Казань. 1906.

³⁹ См. Ш. Марджани. Очерк истории Булгарского и Казанского ханств. «Труды четвертого археологического съезда», стр. 45. Казань. 1884.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. V, 1856 г., стр. 173.

⁴¹ См. Н. Карамзин. История государства Российского. Т. IV, стр. II. СПб. 1889.

стоительности набегам ханов Золотой орды»⁴². Неизвестно, почему потребовалось автору статьи извращать факты. «Вплоть до своей смерти в 1446 г. Улу-Мухаммед вёл агрессивные войны против Москвы», — читаем мы в «Истории Татарской АССР». «Махмутек продолжал агрессивную политику отца. Известны его опустошительные набеги 1446—1448 гг. на Устюг, Муром, Владимир»⁴³. Об агрессии казанских ханов (а не татар вообще) говорится на стр. 179, 180, 184, 185, 186, 187, 188. Надо отметить, что взгляды авторов истории Татарии по вопросу о характере ханства были высказаны ещё в 1948 г. в «Материалах по истории Татарии». Там сказано, что «политика казанских ханов-чингизидов мало чем отличалась от золотоордынской политики порабощения народов Среднего Поволжья. В отношении русского государства их захватнические притязания неизбежно должны были потерпеть полный крах, что и случилось впоследствии»⁴⁴.

Следовательно, историки Татарии пишут совершенно противоположное тому, что утверждает М. Сафаргалиев. Нам кажется также, что давно пора отказаться от взгляда, что на Русь нападали «хищники-варвары — казанские татары». Это дворянско-буржуазные историки смешивали историю народа с деяниями ханов и феодалов, являвшихся организаторами разбойничьих набегов на русские земли. Татарским народным массам эта политика была решительно чужда. Исторические документы говорят о том, что народные массы всегда выступали за мирные отношения со своими соседями, в том числе и с русскими. Ведь не случаен тот факт, что в Казанском ханстве сторонниками русской ориентации были не только группы феодалов, но и значительные слои народа, которые участвовали на стороне русских в походах на Казань. В числе «горных людей», добровольно присоединившихся в 1551 г. к Русскому государству, было очень много татар, живших в Правобережье Волги. А сколько было их ко времени взятия Казани Иваном IV в 1552 году!

Наконец, никак нельзя считать случайным факт участия татарских полков на стороне России в Ливонской войне уже после присоединения Казани к Русскому государству. Не говорит ли всё это о том, что народ не был заинтересован в тех преступлениях ханов, о которых речь шла выше? Мы подняли этот вопрос ещё и потому, что точка зрения, разделяемая М. Сафаргалиевым, просачивается иногда в историческую литературу. Вместо того чтобы обличать организаторов разбойничьих набегов, некоторые товарищи склонны писать о татарах «вообще».

В статье М. Сафаргалиева Булгария отнесена к типу таких государств, которые являются временными военно-административными объединениями. Это положение пока что остаётся спорным и недоказанным. Полностью согласиться с подобным взглядом, нам кажется, нельзя. Временные военно-административные объединения являлись случайными и мало связанными конгломератами этнических групп. У них не было экономической базы и общего языка. Судьба таких государств в значительной степени зависела от успехов или поражений того или иного завоевателя⁴⁵. Едва ли такое типично феодальное государство, как Булгария, с оседлым земледельческим населением и развитой городской жизнью, можно отнести к временным военно-административным объединениям. Нельзя также забывать и того, что основное население государства — болгары — уже имело свой язык, который, несомненно, был понятным тюркоязычному конгломерату болгарских племён.

Вопрос о так называемых военно-административных объединениях весьма важен и требует особого исследования.

⁴² «Вопросы истории» № 7 за 1951 г., стр. 80.

⁴³ «История Татарской АССР». Т. I, стр. 178 (макет).

⁴⁴ «Материалы по истории Татарии», стр. 6. Казань. 1948.

⁴⁵ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 293.